Токарева (Бородулина) Евдокия Ивановна

«Мы ели жмых и столярный клей»

Когда началась война, мне было 15 лет. Я жила с родителями в Ленинграде на Большой Охте, училась в школе. Отец Иван Сидорович Токарев работал в организации «Гидротехпром», мама Ирина Алексеевна - на фабрике «Возрождение», а два брата - на заводе. В 1939 году старшего брата Николая призвали в Красную армию, а младший брат Павел в июле 1941 года добровольно записался в народное ополчение. В этом же месяце я пошла работать в Ленхимпром.

Во время воздушной тревоги дежурили на крышах домов, гасили зажигательные бомбы. В августе 1941 года ввели карточки на продукты. Наступила зима, становилось все холоднее и голоднее. За водой ходили на Неву, искали дрова, чтобы протопить печку-буржуйку. Отец и мама были очень слабые, потому что наступила минимальная норма выдачи хлеба – 250 г рабочим и 125 г иждивенцам. Я тоже с трудом ходила за хлебом, мы ели жмых и столярный клей. Отец слег в постель от слабости и в марте 1942 года умер. Похоронили его на Большеохтинском кладбище, отвезли на саночках.

В апреле пошли трамваи, открылись бани. На людей было страшно смотреть, это были ходячие скелеты. Стали понемногу увеличивать норму выдачи хлеба, но мы все равно были голодные и решили с мамой эвакуироваться. Ладожское озеро на катерах переплыли спокойно (был пасмурный день и немецкие самолеты не летали).

Вот и Большая Земля! Поселок Кабона! Здесь в эвакопункте нас накормили горячим обедом, потом посадили в товарные вагоны, и эшелон пошел в дальний путь, через всю страну в Алтайский край. В пути мы были почти целый месяц. На станциях, где имелись эвакопункты, нам давали горячие обеды, но так как мы все время хотели есть, мы стали на продукты менять вещи, которые смогли взять с собой. Привезли нас в деревню, в колхоз, но и там жилось голодно, весь урожай сдавали государству, а колхозникам надо было сдавать в налог еще мясо, молоко, шерсть.

В колхозе я помогала убирать урожай, а весной – сеять горох и подсолнухи. Трудно было удержаться, чтобы не съесть щепотку гороха, но бригадир наказывал за это. Я очень скучала по Ленинграду и при первой возможности в декабре 1944 года мы с мамой вернулись домой, хотя еще шла война, и продукты выдавались по карточкам. Отменили карточки в декабре 1947 года.

Я пошла работать в стройтрест № 16 на восстановление города. Проработала на восстановлении домов плотником четыре года. Жили в общежитии на Невском пр., д. 16, принадлежащем нашему тресту. Из-за травмы я взяла расчет и в начале 1949 года устроилась работать крановщицей в литейный цех на горячий участок завода им. И.И. Лепсе, где проработала 22 года до пенсии. За хорошую работу моя фамилия была занесена на доску Почета. В цехе я встретила своего будущего мужа – фронтовика Бородулина Павла Михайловича, с которым мы прожили 57 счастливых лет.

В этой страшной войне я потеряла отца, погиб на фронте старший брат, а младший брат пропал без вести. Сейчас у меня две прекрасных дочери, зять и два внука. Я надеюсь, что им никогда не придется испытать, что такое война и такой страшный голод.